

Проекты союза.

Величіе и геній англійской націи, о которыхъ Иванъ могъ судить и догадываться благодаря сношеніямъ съ англійскими гостями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, сильно его поразили. Съ другой стороны, его удручало сознаніе своего одиночества, при постоянной борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами. И, вотъ, въ его умѣ, пылкомъ, властномъ и упрямомъ, эти два чувства породили идею, которая не покидала его до могилы. Онъ сталъ мечтать пріобрѣсти для борьбы противъ внѣшнихъ враговъ съ ихъ арміями, флотомъ и богатствами, сильную союзницу, морскія силы, торговля и кредитъ которой начали уже покорять міръ: А противъ своихъ внутреннихъ враговъ какъ было бы хорошо имѣть сильную поддержку и вѣрный пріютъ! Пожалуй, въ своемъ воображеніи Иванъ уже видѣлъ себя въ изгнаніи; но, благодаря своей сильной союзницѣ, онъ самъ назначить часъ своего побѣдоноснаго возвращенія. Можетъ быть, хотя и трудно судить объ этомъ, къ этимъ соображеніямъ примѣшивались и нѣкоторые планы болѣе романтическаго характера. Елисаветъ было суждено быть постояннымъ предметомъ, болѣе или менѣе, лестныхъ исканій, гдѣ къ политикѣ примѣшивалась любовь. Можетъ быть, не взирая на свой преклонный возрастъ, на охотно имъ преувеличиваемые, но все же, дѣйствительные недуги, не смотря на свою нелюдимость и на четыре или пять умершихъ и живыхъ женъ, Иванъ пожелалъ стать въ число претендентовъ. Съ другой стороны, Елисавета рано усвоила искусство увертываться отъ матримоніальныхъ объясненій, не оскорбляя и не отнимая надежды у искателей. Дженкинсонъ, какъ хорошій дипломатъ, могъ проникнуться идеями и тактикой своей повелительницы

на этот счет. Дѣло въ томъ, что когда въ 1567 г. онъ возвращался въ Англію, ему было дано нѣкое тайное порученіе, содержаніе котораго намъ неизвѣстно. Вѣроятно, оно было довольно щекотливаго свойства, такъ какъ отвѣтъ на него послѣдовалъ не скоро.

Онъ замедлилъ до такой степени, что это отразилось на англійской торговлѣ въ Московіи. Нарвская гавань была открыта для иностранцевъ, и въ Антверпенѣ и даже въ самой Англіи возникли общества, которыя могли оказаться опасными конкуррентами. Эти событія слѣдовали быстро одно за другимъ и угрожали монополіи той сильной компаніи, интересы которой были такъ хорошо обезпечены Дженкинсономъ. Въ 1568 г. Елисавета увидѣла себя поставленной въ необходимость исправить ошибку. Такъ какъ она не могла прибѣгнуть къ помощи Дженкинсона въ данную минуту, она рѣшилась замѣнить его очень значительнымъ посломъ, начальникомъ королевской почты, Томасомъ Рэндольфомъ. Изъ данныхъ ею инструкцій мы, отчасти, можемъ угадать смыслъ тайныхъ предложеній Грознаго. Рэндольфу было поручено официально «возстановить порядокъ въ англійской торговлѣ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ отклонить, по возможности, предложенія царя, увѣривъ его, однако, что, въ случаѣ бѣды, королева не откажетъ ему въ гостепріимствѣ. Повидимому, Иванъ серьезно думалъ объ Англіи. Но хуже всего было то, что онъ соглашался условно воспользоваться пріютомъ лишь съ тѣмъ, чтобы за платить тою же услугою. Его гордость не позволяла ему принимать болѣе того, что онъ могъ дать самъ. Онъ требовалъ, чтобы королева, которая также должна была бороться съ мятежниками и подвергаться опасностямъ, согласилась считать официальнымъ прибѣжищемъ Кремль. Можно легко себѣ представить, какъ должна была отнестись къ подобному условію дочь Генриха VIII.

Рэндольфъ прибылъ въ Москву въ октябрѣ—въ очень неудачный моментъ: какъ мы знаемъ, это было время, когда митрополитъ Филиппъ досаждалъ Ивану. Грозный былъ раздраженъ. Можно предположить, что агенты Московской Компаніи проявили нѣкоторую рѣзкость по отношенію къ ихъ соперникамъ или даже къ самому царю. Очевидно, они не приняли никакихъ мѣръ, чтобы обезпечить успѣхъ возложеннаго на нихъ порученія. Продолжительное молчаніе Елисаветы, наконецъ, оскорбило и разгнѣвало вспыльчиваго монарха. Слѣдствіемъ всего этого былъ пріемъ, нерѣдко практиковавшійся въ то время въ Москвѣ при дипломатическихъ сношеніяхъ: до февраля

1569 г. посланникъ содержался какъ въ плѣну въ отведенномъ для его пребыванія домѣ; къ нему никого не допускали, и онъ былъ поставленъ въ невозможность исполнить возложенное на него порученіе. Четыре мѣсяца спустя, ему удалось добиться аудіенціи, но онъ былъ принятъ безъ обычныхъ почестей и не удостоился приглашенія къ царскому столу, какъ это полагалось. Что произошло при этомъ первомъ свиданіи? Мы не знаемъ; но, очевидно, оно нѣсколько измѣнило настроеніе царя, такъ какъ черезъ нѣсколько дней Иванъ снова позвалъ Рэндольфа во дворець. Свиданіе было обставлено большою тайной, происходило ночью, и посоль долженъ былъ итти въ чужомъ платьѣ. Аудіенція длилась три часа, и о ея содержаніи можно лишь дѣлать предположенія. На другой день царь уѣхалъ въ слободу и вернулся только въ апрѣлѣ; на этотъ разъ его отношеніе къ послу круто измѣнилось. Онъ не только соглашался возстановить права компаніи на пользованіе прежними льготами, но и жаловалъ ее еще новыми привиллегіями: предоставляя ей право свободной торговли съ Персіей, разрѣшая открыть въ Вытегдѣ желѣзные пріиски и предпринять на свой страхъ перечеканку денегъ въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ, онъ обѣщалъ закрыть Нарвскій портъ для новаго общества, организованнаго въ Англіи, а старой компаніи позволялъ съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовать суда другихъ націй, отважившихся пуститься по Бѣлому морю.

Очевидно, Рэндольфъ внушилъ царю какія-то новыя надежды, для осуществленія которыхъ московскій посоль былъ отправленъ въ Лондонъ.

Этотъ преемникъ Непѣи носилъ фамилію Савина. Увы! проживши десять мѣсяцевъ на берегахъ Темзы, онъ привезъ съ собою только письмо Елизаветы, составленное въ довольно туманныхъ выраженіяхъ и очень неопредѣленное. Къ обѣщаніямъ помощи, на которую трудно было рассчитывать, королева прибавляла только новыя увѣренія въ своей дружбѣ къ царю. Она писала, что, когда ему заблагоразсудится воспользоваться ея гостепріимствомъ, она приметъ его съ подобающими почестями и возьметъ на себя всѣ его расходы и заботу о его содержаніи. Она предлагала ему не союзъ, о которомъ онъ мечталъ, а милостыню.

Иванъ, какъ будто, проснулся отъ сладкаго сна, и проснулся не въ духѣ. Утративъ, по обыкновенію, всякую мѣру, онъ написалъ Елизаветѣ отвѣтъ въ стилѣ тѣхъ посланій, какими онъ честилъ въ то же

время шведскаго короля. Онъ не допускалъ, что Елисавета сама такъ неуважительно отнеслась къ потомку Римскихъ кесарей. Онъ-де думалъ, что она себѣ госпожа и свободна въ своихъ дѣйствіяхъ; но теперь видите, что ея управляютъ другіе. А кто эти другіе? Простые мужики! И сама она не болѣе не менѣе, какъ «*пошлая дѣвица*», и ведетъ себя подобающимъ образомъ. Онъ не желаетъ поддерживать съ нею отношенія. Москва обойдется и безъ англійскихъ мужиковъ.

На ругательства не стоило обращать вниманія: они могли только заставить улыбнуться Елисавету, привыкшую къ мадригаламъ. Но еще раньше, чѣмъ гонецъ прибылъ въ Лондонъ, туда дошла вѣсть, что царь отнялъ у Московской Компаніи всѣ льготы—и старыя, и новыя, отобралъ у нея всѣ товары и наложилъ запретъ на ея торговлю. Это уже было серьезно. Закрылись пути, пріобрѣтенные цѣною такихъ усилій! Погибла надежда отнять восточные рынки у венеціанцевъ и португальцевъ! Необходимо было избѣжать этого несчастья, и, казалось, только одинъ человекъ былъ въ силахъ это сдѣлать. Поставивъ Роберта Беста во главѣ новаго почетнаго посольства, Елисавета снарядила съ нимъ Дженкинсона.

Но даже и этому смѣлому изслѣдователю пришлось сначала испытать на себѣ перемѣну обстоятельствъ. Въ 1571 г. онъ высадился въ бухтѣ Св. Николая на островѣ, названномъ англійскими мореплавателями Rose-Island—благодаря найденнымъ тамъ дикимъ розамъ; отсюда онъ сообщилъ въ Москву о своемъ пріѣздѣ черезъ посредство прежняго переводчика при Санинѣ, Даніила Сильвестра. Но этотъ послѣдній не могъ ни проѣхать самъ, ни переслать вѣсти, благодаря чумѣ, которая не переводилась въ странѣ съ самаго татарскаго нашествія, и для борьбы съ которой по всѣмъ дорогамъ устраивались карантинныя и заставы. Одинъ гонецъ чуть не былъ сожженъ живымъ, пытаясь пробиться силою. Сверхъ того, Иванъ отправился въ походъ противъ шведовъ, и, по словамъ русскихъ властей, нечего было и думать его догнать. Къ этому они прибавляли, что, если бы Дженкинсонъ и рѣшился на это—его жизнь была бы въ опасности, такъ какъ царь обвинялъ его лично въ крушеніи своихъ проектовъ и объявилъ, что отрубить ему голову, если онъ посмѣетъ явиться въ Россію.

Англичанинъ нисколько не испугался, и, хотя холмогорскій воевода велъ себя съ нимъ соотвѣтственнымъ образомъ, т.-е. отказывалъ ему въ помѣщеніи, провіантѣ и покровительствѣ, а населеніе относилось къ нему недружелюбно, пробылъ въ этомъ негостепріимномъ

краю до января 1572 г. Затѣмъ, смѣло миновавши заставы, онъ не побоялся пріѣхать къ Грозному въ его убѣжище—Александровскую слободу. Очевидно, ему удалось оправдаться еще заранѣе, потому что онъ былъ принятъ царемъ необыкновенно милостиво. Иванъ поторопился окончить обычныя церемоніи приѣма и быстро перешелъ къ конфиденціальной бесѣдѣ, въ присутствіи только двухъ своихъ приближенныхъ. По своему обыкновенію, онъ прибавилъ къ дѣлу, которое одно его интересовало, еще десятокъ другихъ. Онъ долго говорилъ о какихъ-то англійскихъ купцахъ, которые, будто бы, привозили письма, позорящія его и его государство. Только послѣ всякихъ околичностей онъ приступилъ къ главному дѣлу. Онъ спросилъ, какъ обстояло «тайное дѣло», о которомъ онъ бесѣдовалъ съ Дженкинсономъ, и по поводу котораго Рэндольфъ принялъ на себя извѣстныя обязательства? Дженкинсонъ отвѣтилъ: «я слово въ слово передалъ королевѣ адресованныя къ ней черезъ меня предложенія, и, *милостиво изъ выслушавъ*, ея Величество поручила Рэндольфу вести дальнѣйшіе переговоры; онъ же увѣряетъ, что никакихъ обязательствъ на этотъ счетъ онъ на себя не принималъ. По винѣ этого посредника и произошло недоразумѣніе». Чтобы подкрѣпить свои увѣренія, Дженкинсонъ вручилъ царю письмо Елисаветы.

Иванъ былъ пріятно удивленъ, не найдя въ немъ отвѣта на свои дерзости. Съ большимъ достоинствомъ дочь Генриха VIII говорила только, что ея подданные не даютъ ей ни малѣйшаго повода къ неудовольствію, и ей нечего опасаться того, что ей придется искать пристанища въ какой бы то ни было чужой странѣ. Помимо всего этого, она пребываетъ въ наилучшихъ чувствахъ по отношенію къ царю, и, если онъ согласенъ забыть свое *законное* неудовольствіе противъ англійскихъ купцовъ и вернуть имъ льготы, она готова дать ему самыя очевидныя доказательства своей дружбы. Ловкій Дженкинсонъ поставилъ, конечно, дѣло такъ, что Грозный принялъ за уступчивость то, что лишь доказывало презрѣніе. Елисавета не отвѣчала ему грубостями; онъ очень былъ этимъ доволенъ, и это его обезоружило. Онъ опять далъ Дженкинсону аудіенцію въ Старицѣ и, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, согласился вернуть свою милость, но безъ всякихъ условій Московской Компаніи и ея главѣ, Вильяму Гарретъ. Онъ отказывался въ данное время отъ всякихъ тайныхъ соглашеній, и, когда Дженкинсонъ спросилъ у него имена англійскихъ подданныхъ, давшихъ ему поводъ къ неудовольствію, онъ отвѣтилъ въ свою очередь

съ большимъ достоинствомъ: «на что? если я ихъ простилъ, такъ не для того, чтобы ихъ наказала королева».

Трудно сказать, были ли у него въ данное время какія-либо заднія мысли; дѣло въ томъ, что успѣхъ Дженкинсона оказался преходящимъ и личнымъ. Въ іюлѣ 1572 г. искусный дипломатъ навсегда покинулъ Москву, а, въ слѣдующемъ году, Сильвестръ, отправленный оттуда Московской Компаніей въ Лондонъ, привезъ печальныя вѣсти. Ссылаясь на отношенія, которыя англійскіе купцы завязали съ Польшею, Иванъ наложилъ на нихъ, подъ видомъ пошлинь, извѣстныя пени; правда, онѣ были меньше тѣхъ, которыми облагались всѣ другіе иностранцы, но все же онѣ нарушали дарованныя раньше льготы. И бывший посредникъ между двумя націями не сомнѣвался въ томъ, что это возобновленіе непріязненныхъ отношеній объяснялось разочарованіемъ царя въ его надеждахъ на союзъ. Тогда Елисавета рѣшилась возложить на самого Сильвестра новое порученіе: она соглашалась вести съ Иваномъ тайные переговоры, какіе будетъ угодно московскому государю; но она не можетъ дать понять своимъ подданнымъ, что среди нихъ она не чувствуетъ себя спокойной, чтобы, дѣйствительно, не очутиться въ опасности. Сильвестръ долженъ былъ постараться внушить это Ивану.

Въ ноябрѣ 1575 г. онъ нашелъ царя въ новомъ дворцѣ, который Иванъ велѣлъ выстроить себѣ въ Кремлѣ. Онъ жилъ тамъ, яко бы, какъ частное лицо, предоставивъ Кремль и тронъ царю Симеону. «Вы видите, сказалъ онъ англійскому послу, я не напрасно обращался къ вашей государынѣ, а она неумно поступила, отвергнувъ мои предложенія». Сильвестръ никакъ не могъ себѣ выяснить, какъ онъ долженъ отнестись къ этому новому положенію вещей, совершенно непредвидѣнному въ Лондонѣ, и какъ къ нему приноровиться. Онъ еще ничего не рѣшилъ, когда Иванъ покинулъ столицу, чтобы ѣхать навстрѣчу императорскимъ посламъ. По возвращеніи, государь заговорилъ совершенно иначе. Если онъ не получитъ отъ Елисаветы полного удовлетворенія, вся торговля въ его царствѣ будетъ представлена Венеціи и нѣмцамъ.

Вѣроятно, посоль поѣхалъ съ этимъ ультиматумомъ въ Лондонъ. Мы не знаемъ, каковъ былъ отвѣтъ, потому что, возвращаясь въ Москву, онъ былъ убитъ молніей въ Холмогорахъ, и всѣ его бумаги сгорѣли съ домомъ, гдѣ онъ жилъ. Уступила ли Елисавета? Русскій историкъ, наиболѣе глубоко изучившій эту главу исторіи, готовъ до-

пустить возможность уступки (*Толстой*, Первые сорокъ лѣтъ сношеній Россіи съ Англійей, стр. 31); однако же, это мало вѣроятно, такъ какъ, въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ, повидимому, прекратились всѣ сношенія между обѣими странами. Чтобы они возобновились, нужно было, чтобъ Иванъ увлекся новой несбыточной мечтой, которую внушилъ ему одинъ изъ иностранцевъ, жившихъ со времени посольства Санина въ извѣстной близости къ государю.
